

ОЛЬГА ЛЕВИНА

**Война, о которой
никто не хотел знать**

Ольга Левина

**Война, о которой
никто не хотел знать**

«Издательские решения»

Левина О.

Война, о которой никто не хотел знать / О. Левина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961909-9

Ольга Мыльникова родилась в Костроме в 1920 году и многие годы вела дневники, которые сохранились после её смерти в 2010-м и легли в основу этой хроники. Книга представляет собой компиляцию воспоминаний автора о предвоенном времени и Великой Отечественной войне. Предназначено широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-961909-9

© Левина О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Учёба в КИТ	7
Кексгольм	9
Эвакуация	12
Осень 1941-го	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Война, о которой никто не хотел знать

Ольга Левина

Редактор-составитель, корректор Ольга Малахова

Корректор Елена Малахова

Автор названия Марина Матвеева

© Ольга Левина, 2019

ISBN 978-5-4496-1909-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

На обложке фотография моей бабушки – Ольги Левиной (Мыльниковой).

В 2000 году бабуля подробно описала, как пережила Великую Отечественную войну, находясь в тылу. Сделала она это по просьбе моей сестры, которая тогда училась в университете и готовила проект по истории, приуроченный к 55-летию Победы. Работа вошла в пятёрку лучших. Я тогда прочитала её на одном дыхании.

Тетрадь, написанная бабушкой, хранилась дома, но после ремонта затерялась. Обнаружилось это не сразу, а только когда через несколько лет я захотела её перечитать и оцифровать написанное. В попытках отыскать тетрадь, мне удалось найти черновые записи, которыми бабуля пользовалась, когда готовила свой рассказ, а также её дневники и воспоминания о своих предках, годах учёбы в техникуме, военном и послевоенном времени, тревожных 90-х... Мама сохранила их после смерти бабушки. Всё это я прежде никогда не читала и с большим интересом принялась изучать.

Сначала я просто хотела узнать, каким человеком была моя бабушка в юности, а заодно полюбопытствовать, писала ли она что-то обо мне, посмотреть на события моего детства её глазами. Потом оказалось, что в записях есть много деталей того времени и того мира, из которого родилось наше с вами настоящее. Эта связь пробудила во мне интерес к истории XX века и стала отправной точкой для этой работы.

Как вы уже поняли, первыми я прочитала воспоминания бабули о войне, написанные в 2000 году. Ту тетрадь я так и не нашла. В 2018 я впервые прочла дневник, который бабушка вела в военные годы, и нашла черновики её более поздних воспоминаний. Я обнаружила, что эти источники дополняют друг друга и по содержанию, и по форме, и захотела объединить их, не вмешиваясь в суть. Я не добавляла от себя ничего, кроме примечаний, которые помогут вам в этом документальном путешествии.

Бабуля хотела, чтобы внучки понимали, через что ей довелось пройти. Мне же хочется передать это понимание дальше, чтобы люди не забывали, что такое война, знали, как сильно она может изменить человека, и помнили, что во время войны всегда остаётся место жизни, какой бы тяжёлой она ни была.

А теперь слово моей бабушке.

Ольга Малахова

Учёба в КИТ

Год моего поступления в Техникум¹ был, кажется, последним годом, когда и отличники, и троечники сдавали экзамены на общих основаниях. Сдавала экзамены и я, хотя окончила школу только с двумя четвёрками: по слесарному и столярному делу (!). Когда я пришла сдавать экзамен по литературе, Н. А. Знаменский спросил, кто писал мне сочинение. Я ответила, что сама справляюсь с этим. «Сейчас мы это проверим», – сказал он и начал задавать вопросы. Мои ответы так ему понравились, что он сказал: «С удовольствием ставлю „отлично“».

Два года он ставил меня в пример моим однокурсникам, но однажды произошёл забавный казус. На занятиях по русскому языку были сразу две группы. Николай Александрович стал спрашивать меня, а я заявила, что никогда не учила правил грамматики и не знаю их. Дело в том, что я очень рано научилась читать и читала так много, что писала правильно, не задумываясь.

Мой ответ сразил его, а так как он был преподавателем с артистическими приёмами, то, воздев руки, трагикомическим тоном произнёс: «Я-то надеялся на неё, как на каменную стену, а она лопнула, как мыльный пузырь!» Хохот был оглушительный, ведь моя фамилия была Мыльников.

Преподаватели у нас были замечательные. Самыми интересными для меня были лекции Никанора Евгеньевича Морозова (технология материалов), Павла Дмитриевича Яковлева (математика) и Марии Моисеевны Снисаренко (физическая химия) – видимо, благодаря особому таланту этих преподавателей. Завуч Сергей Яковлевич Шошин был главным «дирижёром» учебного процесса. Все относились к нему с большим уважением и симпатией, а его авторитет был непререкаем.

Практические занятия проходили в хорошо оборудованных лабораториях, где основную работу со студентами вели лаборантки: Нина Петровна, Евдокия Александровна (не помню фамилий) и Надежда Алексеевна Ипполитова – Наденька, как мы ласково называли её заочно. К ней мы доверчиво обращались в случае каких-либо затруднений, и она всегда умно и тактично помогала нам справиться с возникшими сложностями. Её доброта помогла мне и потом, в тяжёлое военное время...

Училась я хорошо, часто получала повышенную стипендию, а к торжественным дням и денежные премии – был и такой вид поощрения за успешную учёбу. Года два или три я была старостой группы, помогала отстающим, принимала участие в субботниках, все годы учёбы пела в хоре. Были и ещё увлечения: недолго просуществовавший в Техникуме драмкружок и художественная гимнастика. Её мне пришлось оставить из-за тяжёлой болезни мамы: я была старшей из детей в семье, и все хозяйственные заботы легли на мои плечи.

Возвращаюсь в свои студенческие годы. Какими яркими были в Техникуме праздничные вечера! И вход, и вестибюль, и перила лестниц были украшены еловыми гирляндами, расцвеченными разноцветными лампочками. Эти огоньки и аромат хвои создавали особое, радостное и торжественное настроение. В актовом зале сияла великолепная люстра, в обоих залах блестел паркет, приглашая к танцам. В актовом зале обычно играл небольшой симфонический оркестр, в другом зале – слепой баянист, которого знали все в городе. В Новый год в актовом зале всегда стояла высокая красавица – ёлка. Так ясно всё это вспоминается: оживлённые лица, весёлый гомон, звуки музыки – истинно праздничная атмосфера...

А ещё в Техникуме была одна традиция: после демонстрации 1 мая² и 7 ноября³ студенты возвращались и шли в столовую, где их ждал горячий обед. Меню было неизменным: щи

¹ Бабуля поступила в Костромской Индустриальный Техникум в 1935 году.

² Демонстрация в День международной солидарности трудящихся

из квашеной капусты, котлеты с картофельным пюре и компот из сухофруктов. После нескольких часов, проведённых на свежем воздухе в праздничных колоннах, нам, слегка озябшим, обед казался необыкновенно вкусным, и как весело он проходил!..

Помню песенку, которую пели только у нас в Техникуме. За всю свою жизнь я её больше нигде и никогда не слышала. Кто сочинил музыку и слова – не ведаю. Вот она.

Выглянь в окно поскорее,
Не жди заводского гудка.
Посмотри, солнце ласково светит
И плещется внизу река.
Глянь, там весёлою стайкой
К лодкам девчата спешат,
И на солнце их оранжевые майки,
Как яркие цветы горят.
Отдых работой заслужен,
Можем сегодня гулять,
И в семье комсомолии дружной
С утра целый день отдыхать.
Будем плескаться у мола,
Где самый шумный прибой,
А под вечер на площадке волейбола
Закончим наш день выходной.
Так собирайся живее
И весела, и легка!
Посмотри, солнце ласково греет,
Колышется внизу река...

На последнем курсе я заболела туберкулезом лимфоузлов. Шея была сильно опухшей, а температура всё время была повышенной, последние полгода она ежедневно была выше 38°. В таком состоянии мне пришлось готовить и защищать свою дипломную работу: по несколько часов каждый день проводить в лаборатории, дыша запахом йода, хлорной извести, парами кислот...

Спасибо Техникуму: два месяца профком выделял мне деньги на диетпитание, а после защиты диплома я получила путёвку в дом отдыха в Плесе⁴, где провела весь июль 1940 года.

³ Демонстрация в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции

⁴ Плесь – город в Ивановской области. Расположен в 71 км от Костромы.

Кексгольм

Предвоенные годы были тревожными. Сначала была задушена фашистами республиканская Испания. Потом Гитлер захватывал одну страну за другой. И вот война приблизилась и к нашим рубежам: 1 сентября 1939 года фашисты напали на Польшу. Севернее Ленинграда, в нескольких десятках километров от него, нашей стране пришлось воевать с прогитлеровской Финляндией⁵.

По распределению после окончания Техникума несколько человек, и я в том числе, должны были ехать на азотнотуковый завод в шахтёрский Донбасс, в Горловку, но потом выяснилось, что заявок в том году на химиков-аналитиков от завода не было. Тогда из Министерства химической промышленности нас передали Министерству целлюлозно-бумажной промышленности. Вместо Украины мы оказались в Автономной Карело-Финской Республике. Мы – это Гутман Мария, Лоханина Елена, Нефёдова Тамара и я.

Когда мы прибыли на место работы и с нами знакомился технический директор, он сказал, что наш Техникум – это известное ещё в дореволюционной России Техническое Чижовское Училище⁶, выпускавшее отличных специалистов.

В августе 1940 я начала работать на целлюлозном заводе в г. Кексгольме⁷ Карело-Финской АССР (автономной советской социалистической республики). Завод был расположен на берегу Ладожского озера при впадении в него реки Вуоксы. Удивительным казалось, что около центральной лаборатории растут кусты сирени, что между цехами зелёные газоны, а на них группы высоких стройных сосен. На наших заводах в те годы такого не было...

Завод и небольшие посёлки были окружены лесом, то сосновым, то смешанным. Однако гулять там не рекомендовалось: только в марте закончилась война, и кое-где ещё оставались мины. На работу мы ходили по дороге, по лесным проверенным тропинкам, дышали чистым воздухом. В лесах встречались огромные замшелые валуны, похожие на сказочные избушки карликов. Воздух там был изумительный, целебный для меня. Я ожила после болезни и стала радоваться жизни. За пару месяцев опухоль почти исчезла, и температура стала нормальной.

Работала я сначала в лаборатории при заводской теплоэлектростанции, потом в центральной лаборатории, где мне доверили готовить титрованные растворы реактивов для всех цеховых лабораторий. Мне нравились люди, с которыми я работала, нравилась природа Карелии. Кроме интересной работы было общение с подругами и друзьями, книги, концерты и кино, занятия гимнастикой, а зимой и лыжные прогулки.

И вот пришла весна, ландыши, черёмуха и сирень, волшебные белые ночи... У большинства молодёжи на душе было спокойно, светло и празднично.

В поэме Маргариты Алигер «Зоя»⁸ есть такие строчки:

Бывают на свете такие мгновенья,
такое мерцание солнечных пятен,
когда до конца исчезают сомненья

⁵ Советско-финская война началась 30 ноября 1939 и закончилась 13 марта 1940.

⁶ Годом основания считается 1894, когда было открыто низшее химико-техническое училище имени Ф. В. Чижова по подготовке мастеров для химических заводов.

⁷ Ныне Приозёрск.

⁸ Поэма написана в 1942, через несколько месяцев после гибели Зои Космодемьянской.

и кажется, мир абсолютно понятен.
И жизнь твоя будет отныне прекрасна —
и это навек, и не будет иначе.
Всё в мире устроено прочно и ясно —
для счастья, для радости, для удачи.
Особенно это бывает в начале
дороги, когда тебе лет ещё мало
и если и были какие печали,
то грозного горя ещё не бывало.
Всё в мире открыто глазам человека,
Он гордо стоит у высокого входа
...Почти середина двадцатого века.
Весна девятьсот сорок первого года...

Но за весной пришло страшное лето. В июне в разговоре с одним человеком я упомянула, что ко мне скоро приедут мама и сестра. Он сказал, что лучше бы я посоветовала им не приезжать, т.к. на границе неспокойно: большая концентрация войск на той стороне, и немецкие самолёты летают над нашей территорией. Я удивилась, откуда такие сведения. Он ответил, что это рассказали приезжавшие на завод командированные с Украины. Я решила, что «у страха глаза велики», ведь 14 июня в центральных газетах было на этот счёт успокоительное разъяснение⁹ ТАСС (Телеграфное Агентство Советского Союза).

Субботним вечером 21 июня ко мне приехали мама и 14-летняя сестра. На другой день мы прошли по городку, кое-что купили на рынке, позавтракали в кафе. Потом я с подружками и сестрой отправилась загорать, а мама осталась готовить обед. Но загорать нам не пришлось. К нашему обычному месту — небольшой горке, где была группа сосен — нас не пропустили военные. Мы подумали, что идут учения. Ушли туда, где военных не было, но на лугу комары и мошки быстро нас выжили... Дома нас встретила мама с растерянным лицом и сказала каким-то чужим голосом: «Война... Сейчас по радио выступал Молотов...»

Вскоре мои родные уехали. Некоторое время завод продолжал работать по-прежнему, однако в военных сводках по радио стали часто говорить: «Бои на Кексгольмском направлении», стало известно, что горят на границе с Финляндией города и посёлки. Была встреча с бежавшими оттуда двумя девушками-однокурсницами. Они пришли пешком, неся узелки и... гитару...

Начались воздушные тревоги. Из города уехали женщины и дети, стало пусто и тихо. На заводе оставалось руководство и молодёжь, шла упаковка и вывоз оборудования. Каждый день мужчины с завода уходили в армию и народное ополчение. С группой уходящих у заводских ворот прощались остающиеся. Нам, молодёжи, казалось сначала, что война продлится

⁹ 14 июня 1941 года «Правда», «Известия» и другие центральные советские газеты опубликовали Сообщение ТАСС, в котором утверждалось, что «СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными», а также то, что, «по данным СССР, Германия неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям».

несколько недель или, в крайнем случае, пару месяцев. Мы были уверены в том, о чём пели в песнях. Вот одна из них.

Мы сильны, берегись, поджигатель войны,
Не забудь, чем кончаются войны.
С нами люди простые из каждой страны,
Мы в грядущее смотрим спокойно.

ПРИПЕВ:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч, и суров:
Если завтра война, если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов.
Мы войны не хотим, но себя защитим,
Оборону крепим мы не даром,
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом¹⁰.

Когда дела на заводе закончились, мы – девушки – стали работать на военном аэродроме: копали укрытия для самолётов, делали на них маскировочные сети.

Пролетали вражеские самолёты. Их моторы издавали воюющие звуки, резко отличающиеся от ровного рокота наших самолётов. Один раз мне привелось видеть падение горящего вражеского самолёта за лес и услышать взрыв.

Кончились белые ночи. Жаркое лето сменила ранняя осень. Страшно было по ночам в пустом доме, когда две мои подружки уходили на дежурство и мне приходилось оставаться одной на втором этаже, а на первом было двое парнишек младше меня. Зажигать можно было только синие лампочки. Рядом с домом враждебно шумел сосновый лес.

Фронт приблизился настолько, что вечером 10 августа оставшихся заводских работников, живущих теперь в одном, ближайшем к заводу посёлке, обошли директор завода с секретарём парторганизации и начальник отдела кадров. Они велели приготовить минимум самых необходимых вещей и, если нас не вывезут ночью на машинах, получить документы в отделе кадров.

За пару дней до эвакуации нас – группу девушек – привезли копать рвы в окрестностях города. В некотором отдалении от нас с самолёта был сброшен небольшой вражеский десант. Находившаяся рядом группа военных вступила с ними в бой, а нас немедленно увезли в город.

¹⁰ Бабуля здесь соединила сразу две песни: «Если завтра война» (музыка: Дмитрий и Даниил Покрасс, слова: Василий Лебедев-Кумач) 1938 года и «Песню мира» (музыка: Дмитрий Шостакович, слова: Евгений Долматовский) 1949 года.

Эвакуация

11 августа раз 6—7 объявлялась воздушная тревога. Три мои подруги и я провели ночь на 12 августа в пустом домике у вокзала, не снимая с себя пальто и сумок с противогазами. Нам было не до сна. Мы часто выходили на улицу. Видимо, вражеские самолеты несли бомбы ближе к Ленинграду. Ночь была полна звуками: отдалённой пушечной стрельбы, пулемётных очередей, рокотом наших самолётов и гадким воем самолётов противника, а чёрное небо чертили цветные следы трассирующих пуль.

Утром под завывание сирены наш поезд отошёл от станции. Мы направлялись в Ленинград. 12 августа 1940 года я приехала в Кексгольм и ровно через год отправилась обратно. Из Ленинграда мы с подругой с трудом выехали перед его блокадой¹¹: она в Калининскую область, я в Кострому.

Поезд ехал медленно, часто останавливался, поэтому в Ленинград мы приехали к вечеру, усталые от волнений и двух бессонных ночей. В Ленинграде мы пробыли трое суток. Дни мы проводили на вокзале, стараясь скорее уехать. Ночевали в разных местах. Без прописки было запрещено там находиться, т.к. опасались проникновения в город шпионов и диверсантов из Финляндии. Мы знали, что жителям города было запрещено принимать приезжих. За нарушение этого предписания им грозил крупный штраф или трёхмесячное тюремное заключение, поэтому три ночи мы ночевали в разных местах.

Первую ночь провели у тётушки одной из нас, Нади. Вечером у Нади начался жар, поэтому она осталась там, а с ней её подруга. А я со своей подругой Наташей отправилась на Московский вокзал, где и провели день, тщетно пытаясь уехать. Вечером мы разыскали девушку, работавшую раньше на нашем заводе. Она жила в большом доме на Кировском проспекте, к тому же в коммунальной квартире, поэтому побоялась оставить нас у себя, а отвезла на окраину города, к одинокой старушке, у которой снимала комнату, когда писала диплом. Но старушка была бдительной. Она сообщила о неожиданных гостях куда следовало. Часов в 10 за нами пришли и повели в отделение милиции. Расспросив и проверив документы, нас с миром отпустили, но ночевать у старушки было нельзя, и мы уже в полночь вернулись в дом на Кировском, где и уснули, намаившись за день.

На четвёртые сутки мне с подругой удалось купить билеты на поезд. К ночи мы вышли на станции Красный Холм, кажется. Забыла её название¹². Помещение внутри станции было забито людьми, спавшими вповалку на полу... Наташа, я и ехавший с нами от Ленинграда инженер всю ночь просидели на скамье в пристанционном садике. Ночи были уже прохладными, и наш попутчик научил нас обернуть ноги газетами для тепла.

На следующий день утром я простилась с подружкой: она уехала к родным в г. Калинин¹³ Калининской области, а вскоре и я с ленинградцем сели на поезд до Рыбинска.

Дальше мне предстояло плыть до Костромы на пароходе. Я разыскала в Рыбинске семью дальнего родственника, еле знакомого. Меня приняли сердечно, а на другой день он с женой провожал меня. Билет первого класса он купил мне ещё утром. Когда мы подошли к пристани, мы увидели на высоком берегу массу женщин с детьми – беженцев... Городские власти помо-

¹¹ Блокада Ленинграда началась 8 сентября 1941.

¹² Такая станция существует в Тверской области, примерно в 250 км восточнее Костромы, и очень может быть, что бабуля правильно вспомнила название.

¹³ Так с 1931 по 1990 называлась Тверь.

гали им с питанием, но не могли помогать с отправкой. Когда подошёл наш пароход, то на него хлынула такая толпа, что он сначала отошёл без гудков, а потом был вынужден вновь причалить, т.к. кто-то из семей попал на пароход, а кто-то остался на берегу, люди кричали и плакали, кое-кто из них бросался в воду. Если бы не мой энергичный провожающий, я не смогла бы попасть на пароход. Вместо каюты первого класса, я провела ночь на палубе.

Осень 1941-го

Утром следующего дня я была в Костроме. С замиранием сердца я шла к дому бабушки (он был ближе к пристани). Была тревога за маму и сестру. Больше месяца прошло с тех пор, как я посадила их на поезд в Кексгольме. Я ничего о них не знала, а через неделю отец прислал телеграмму, спрашивая меня о них. До меня тогда не дошло, что телеграмма шла несколько дней. Я с ужасом подумала, что в Ленинграде их посадили с массой беженцев в «телячьи» вагоны и отправили кружным путём в Азию, что в этой давке и духоте у мамы случился приступ астмы и она погибла без своевременной медицинской помощи, а сестра-подросток где-то затерялась в дальних краях... Но вот мне встретилась знакомая женщина, я спросила её о родных и с облегчением услышала, что она с неделю назад видела маму...

Радостно встретили меня в доме бабушки, вскоре туда пришла и мама. Я узнала, что 8-го августа добровольцем ушёл в армию мой друг, а отец уехал по призыву накануне моего приезда¹⁴...

Началась другая жизнь: «походы» в ближние колхозы, где перекапывали картофельные поля в поисках оставшихся клубней, рытьё окопов в окрестностях... Я не могла никуда поступить на работу: в городе было много семей эвакуированных, их трудоустраивали в первую очередь, а я была местная.

19 сентября 1941

3 месяца войны порядком всех измучили, а конца ей пока не видно. Из нас четверых на работу устроилась одна Тамара, и то недавно, а я, Елена и Мария бездельничаем. Но меня не это мучит: прежняя раздвоенность чувств и мыслей, от которой я страдаю давно, теперь усилилась. Стараюсь забыть то каким-либо делом, то чтением глупых романов. Поступила было на курсы, но мамаша и разные родичи да знакомые уговорили меня бросить. Т.к. само посещение их было связано с некоторыми неприятностями, то я и решила их оставить. Мне и сейчас не нравилось ночевать не дома из-за каких-то курсов, а как подумала о том, что будет после их окончания... Ну, а я далеко не героиня. Иногда жалею об этом, а иногда бываю довольна. «Прославиться», как мечтает большинство курсанток, у меня нет ни малейшего желания.

Иногда бывает очень скучно, ведь даже писем ни от кого больше нет. Да и о папаше беспокоиться стала за последнее время: вбила себе в голову, что он уж и не жив.

Развлекаться, как Тамара, я не могу. Была за всё время один раз на Водной, причём мои молитвы, чтобы никто не обращал на меня внимания, не помогли: прицепился ко мне какой-то. Впрочем, я сбежала от него так, что, если он не осёл, то понял, что надеяться ему не на что...

Вслед за осенними дождями и холодами пришли жгучие морозы до -48°. Лето 1941 было особенно жарким, а зима 41—42 гг очень морозной. Почти до декабря я ходила в туфельках – валенки остались в Кексгольме. Воду носили в вёдрах или с реки Костромы, на берегу которой располагалась наша Рабочая слобода (у знаменитого Ипатьевского монастыря), или с дальнего колодца. Вёдра носили в руках или на коромысле. Жили впроголодь. Хлеб был по карточкам.

¹⁴ В 1941 Алексей Мыльников был призван в Красную Армию. Воевал на Волховском фронте, позже – на Западе. Был демобилизован в январе 1946.

Цены на всё были фантастические. По аттестату отца (он был лейтенантом, потом старшим лейтенантом) мама получала в Военкомате по 700—750 рублей в месяц. Мама шила на дому солдатское бельё – за это платили гроши, а если не выполнишь нормы, то не получишь хлебной карточки. Позже мама вязала шерстяные носки и продавала их на рынке. Чтобы продать пару носков, часто приходилось стоять на морозе до сумерек и на полученные деньги купить кило картошки, а если продать не удавалось, – возвращаться домой с пустыми руками... Часто мы ели один раз в день жидкий суп, в котором кроме картошки, лука и морковки не было ничего. Хорошо, если на кастрюльку приходилась ложка растительного масла. Конечно, многие жили лучше, особенно если у них было что менять в деревнях на муку, картошку, масло.

Ещё нас донимал холод. У нас была русская печь, которую топили редко – дрова были дороги. В печь перед устьем ставили таганок – металлическое кольцо на трёх ножках, на кольцо ставили чугунок или чайник и под ним жгли щепки. К утру вода в вёдрах покрывалась корочкой льда. Спать приходилось одетыми, а поверх одеял клали пальто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.